

ГОГОЛЬ.

(Биографический эскиз).

...Его взростила мать-Украина...
Его ласкала живой ручей
Привольных пѣсенъ и рѣчей,
И волновала душу тайна
Сребристыхъ трепетныхъ ночей...
Его вскормилъ тотъ край безбурный,
Гдѣ чистъ и ясенъ сводъ лазурный,
Гдѣ въ ловѣ старого Дибра
Идетъ русалочья игра...
Гдѣ, потонувши въ лунномъ блескѣ,
Горятъ вершины тополей,
Гдѣ сказка сылетъ арабски
И вдохновеннѣй, и смѣльнѣй...
Гдѣ собирали Русь святую
Минувшихъ дней богатыри,
Гдѣ старину поютъ сѣдую
Какъ лунъ сѣдые кобзари...
Жизнь унесла его далеко,
Предъ нимъ раскрылся новый міръ...
Понавъ на чуждый, шумный ширь,
Среди столичнаго потока,
Душа томилась одиноко...
Но въ ней осталась яркій слѣдъ
Отъ чаръ и ласкъ родной природы,—
И часто въ сумрачные годы
Сквозь всѣ житейскія невзгоды
Мерцалъ далекой, тихій свѣтъ
Отрадныхъ, милыхъ вѣшнихъ лѣтъ...
* *

Года младенчества провелъ онъ
Въ уютномъ гнѣздынкѣ родномъ.
Неприхотливый отчій домъ
Къ ребенку былъ любовью полонъ...
Всѣ баловали панича;
Забота матушки родимой
Была нѣжна и горяча:
Кумиромъ былъ сынокъ любимый...
Текли безоблачные дни
Въ святой тиши, среди родни,
Среди украинской природы...
И все, что видѣлъ въ эти годы
Его пылливый, жадный взоръ:
Лѣса, луга, степной просторъ,
Обряды, пляски, хоромы,

Предавъя старого гнѣзда—
Запечатлѣлись навсегда...
Но часть разлуки неизбѣженъ,
И на тринадцатомъ году,
Покинувъ милую среду,
Онъ удалился въ грязный Нѣжинъ
И мудрость книжную, скорбя,
Взвалилъ лѣнливо на себя...
Въ стѣнахъ угрюмаго лица,
Науку плохо разумѣя
И къ озорству являя пылъ,
Онъ за шута и ротозѣя
Среди товарищей прослылъ.
Давалъ имъ прозвища, съ натуры
Чертилъ на нихъ каррикатуры,
Дразнилъ, смѣясь надъ всѣми вслухъ...
Не чуждъ талантовъ лицедѣйскихъ,
Онъ въ представленихъ лицейскихъ
Изображалъ всегда старухъ...
Однажды въ роли Простаковой
Блеснулъ игрою образцовой...
Всѣхъ передразнивалъ былъ лихъ,
И заилъ наставниковъ своихъ.
* *

Среди наукъ питалъ онъ склонность
Къ одной исторіи... Къ другимъ
Учителей односторонность
Не привлекала; но, томимъ
Тоскливой школьной атмосферой,
Онъ отъ дѣйствительности сѣрой
Къ брегамъ Невы летитъ мечтой,
Влекомъ столичной суетой,
Согрѣтый юношеской вѣрой
Въ людей и въ правду, и въ добро...
И вотъ незрѣлое перо,
Не избѣжавши старыхъ стилей,
Онъ изощряетъ для идиллій:
«Гансъ Кюхельгартенъ»—первый плодъ
Стыдливыхъ творческихъ усилій,
Стремленья двинуться впередъ...
Экзамень. Гоголь въ лихорадкѣ...
Чтобъ сбросить злое бремя съ плечъ,
Пришлось серьезно приналечь,—
И, углубясь въ свои тетрадки,
Осиливъ рой сухихъ тирадъ,
Туной схоластики остатки,
И одолѣвши тьму преградъ,
Онъ мчится съ другомъ въ Петроградъ...

Предъ нимъ желанная столица:
Домовъ огромныхъ вереница,
Людской потокъ, немолчный гуль...
Сюда его манили грезы,
Сюда... но въ жизни столько прозы!
Волшебный призракъ обманулъ...
Все, все несбыточно,—и даже
Мечта о Невскомъ—звукъ пустой!
Проулочъ... Домъ въ грязи и въ сажѣ...
Этажъ едва-ли не шестой,
(А онъ мечталъ о бѣль-этажѣ),
Квартирка, кромѣ голыхъ стѣнъ,
Дивитъ величьемъ грозныхъ цѣнъ...
Ресурсы быстро улетѣли,
Нужда подкралась, точно тать,
И въ легкойкомленной шинели
Припилось «всю зиму отхватать» *)
Рядъ неудавшихся попытокъ
Найти работу, рядъ невзгодъ...
Но смѣло смотреть онъ впередъ,
Еще кипитъ въ немъ сила избытокъ...
Онъ всѣ пути пускаетъ въ ходъ,
Предъ неудачей не робѣя...
На мигъ является идея
Избрать арену лицедѣя,
Но театральныи принципалъ
Простое чтенье счелъ вульгарнымъ,
А самого чтеца—бездарнымъ,—
Въ актеры Гоголь не подалъ.
И вотъ задумалъ онъ некстати
Предать «идиллію» печати:
«Гансъ», всѣми признанный глупцомъ,
Сожженъ былъ собственнымъ отцомъ;
Но авторъ нашъ, не унывая,
Идетъ впередъ... Пришла пора,
Изъ-подъ безвѣстнаго пера
Вдругъ полилась струя живая:
Всѣхъ изумили «Вечера» **)
Своей красой благоуханной,
Своей поэзіей нежданной
И смѣхомъ чище серебра...
Такого некротнаго смѣха
Не слышалъ хмурый градъ Петра,
И скоро, скоро «Вечера»
Добились громкаго успѣха...
* *) Въ кавычкахъ—выраженіе Гоголя.
* **) «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки».

Воспоминаньями согрѣтъ
О красотѣ неотразимой
Украины милой и любимой,
Воспѣлъ поэтъ свой край родимый,
Своихъ хохловъ воспѣлъ поэтъ.
И въ первый разъ нашъ сѣверъ блѣдный
Услышалъ бодрый смѣхъ побѣдный
И цѣлый сонмъ веселыхъ словъ
Ему невѣдомыхъ хохловъ...
* *

Но все-жъ, начало славы сдѣлавъ
Панкю Рудому, «Вечера»
Не принесли еще добра.
И въ «департаментѣ Удѣловъ»,
Увы, безрадостный удѣлъ
Скрипѣтъ перомъ ему велѣлъ,—
Перомъ, въ которомъ для музея
Теперь мы видѣли-бы кладъ,
И, можетъ быть, благоговѣя
Въ него вперяли жадный взглядъ,—
Которымъ вѣтранныи наслѣдникъ
Творца безсмертныхъ «Мертвыхъ душъ»
Сбумѣлъ нажить-бы нѣкій кушъ
(Кей-что стяжалъ-бы и посредникъ),
Перомъ, котораго, увы,
Ужъ не найдете нынче вы!..
Но вотъ измѣнчивой фортуны
Вдругъ сталъ поэтъ и любя, и милъ:
Почти несчастный накануне,
Отъ жизни сразу получилъ
Онъ всѣ дары: успѣхъ и славу,
Друзей—писателей-свѣтилъ,—
Что по заслугамъ и по праву
Могло-бы быть уже давно
Ему открыто и дано.
Плетневъ, Жуковский, Дельвигъ дружно
Слѣшать помочъ ему во всемъ,
Доставить все, что было нужно...
Ихъ дружба крѣпнетъ съ каждымъ днемъ.
Привзавши въ немъ талантъ, поэты
Даютъ полезныя совѣты,
Самъ Пушкинъ думаетъ о немъ
И «Вечера» любовно хвалить.
Порой журнальный критикъ жалить,
Но не пугаетъ злобный судъ,
И тихо зрѣетъ новый трудъ...
* *

Отъ оглушительнаго гула

Столицы шумной потянуло
Его на родину, туда,
Гдѣ протекли весны года,
Къ роднымъ кохламъ, къ садамъ вишне-
вымъ,
Къ зеленымъ, милымъ хуторамъ;
Но показался прежній храмъ
Уже не тѣмъ, какимъ-то новымъ;
Не тѣмъ, что прежде сталъ онъ самъ,
Былымъ не вѣруя мечтамъ,
Надломленъ онытомъ суровымъ.
Не дышетъ «Миргородъ» былымъ
Задоромъ юности, весельемъ...
Пылъ «Вечеровъ» исчезъ, какъ дымъ,
Съ холоднымъ нескимъ повосельемъ.
Угрюмъ и строгъ сѣдой «Тарасъ»
Тоскливъ задумчивый разсказъ...
Меланхолическій по натурѣ,
Поэтъ труститъ, другихъ смѣша,
И снова въ поискахъ гроша
Онъ прибѣгаетъ къ профессурѣ,
Но изъ профессорства его,
Увы, не вышло ничего...
* *

Но силы новыя въ немъ зрѣли:
Сквозь «историческій узоръ»
Онъ устремлялъ духовный взоръ
Къ иной, давно желанной цѣли...
Въ умѣ рождался «Ревизоръ».
Осыпанъ пушкинскою щедротой,
Сюжетомъ пьесы,—за работой
Провелъ онъ цѣлый рой годовъ,—
И создалъ рядъ такихъ картинъ,
Какихъ не видѣла Россія!..
Впервые мощная стихія,
Могучій, смѣлый, жгучій смѣхъ
Своимъ бичомъ коснулся всѣхъ...
Всѣхъ этотъ грозный смѣхъ обидѣлъ,—
Отъ мелкой сошки до «вершинъ».
Впервые русскій гражданинъ
Свой образъ въ зеркалѣ увидѣлъ,
И зашипѣли всѣ уста:
«Карриатура, клевета!»
Насмѣшка! пасквиль! спать со сцены!
Обычный бредъ, нелѣпный вздоръ!
Отъ этихъ сценъ краснѣютъ стѣны!
Разбой, предательство, позоръ!»
Украшенъ знаками отличій,

Мздоимецъ въ злобѣ голосилъ...
Любой почтенный городничій—
Браня расточалъ, что было силъ.
«Ругаютъ всѣ безъ исключенья»—
Писалъ въ порывѣ огорченія
Великій авторъ—всѣ бранятъ,
Но, изливая злобный ядъ,
Приходятъ каждый день подъ-рядъ!
Толпа слѣпнуть на представленья;
Весь Петербургъ пришелъ въ экстазъ...
Столичный зритель въ первый разъ
Такое вынесъ впечатлѣніе...
Поэтъ попалъ не въ бровь, а въ глазъ...
Заволновались всѣ чинуши,
Утративъ почву подъ собой.
Затрепетали въ страхѣ души,
Узнавъ, что имъ объявленъ бой;
Что этотъ бой ведется славнымъ,
Великимъ геніемъ-вождемъ
Подъ покровительствомъ державнымъ!..
И вотъ посыпались дождемъ
Интриги, силетни, съ планомъ явнымъ—
Прервать опасный дерзкій смѣхъ
И задумитъ его успѣхъ...
* *

Негодования злое крики
Безсильны съ геніемъ въ борьбѣ,
Но все-жъ ему не по себѣ,
И театральные владыки
Ему вредятъ то тамъ, то тутъ,
Терзаютъ, давятъ и гнетутъ.
Онъ утомленъ,—и вмѣстѣ съ другомъ
Летитъ въ далекіе края,
Чтобъ насладиться тамъ досугомъ
И отдохнуть, любясь югомъ,
Отъ «впечатлѣній бытія»...
Душа еще полна надежды
На свѣтлый жребій; нашъ поэтъ,
Дыханьемъ грезы еще согрѣтъ...
Міръ въ лучезарныхъ одежѣ,
Въ его мечтахъ, еще одѣтъ...
И для восторговъ пилгрима
Въ садахъ Неаполя и Рима,
Гдѣ красота необозрима,
Опять душою онъ воскресъ.
Весь ядъ недавнихъ испытаній
Онъ позабылъ среди ситаній
Подъ синевой чужихъ небесъ,

Въ чертогъ розъ, мимозъ, латаній
Въ краю поэзіи, мечтаній,
Въ странѣ плѣнительныхъ чудесъ...
Онъ окунулся въ міръ волшебный
Искусствъ, поэзіи, красотъ—
И пѣлъ природѣ гимнъ хвалесный,
Не зная тягостныхъ заботъ.
* *

Но «изъ прекраснаго далека»
Порой несетъ онъ мечтой
Туда, въ печальный край родной,
И сатирическое око
Глядитъ въ пучину зла, порока,
И геній смѣха вновь паритъ,
И муза смѣлая даритъ
Родному, дремлющему міру
Свою великую сатиру,
Въ которой ярко расцвѣли
Богатыри родной земли...
Вновь засверкала вереница
Безсмертныхъ типовъ... каждый штрихъ
Правдивъ и смѣлъ. Живыя лица!
Вся Русь себя узнала въ нихъ.
Изъ ихъ безхитростныхъ фамилій
Молва рождаетъ безъ усилій
Сонмъ нарицательныхъ именъ,
Которымъ имя—легіонъ.
Отнынѣ ставши ярлыками,
Они живутъ десятии лѣтъ.
Вглядись поглубже: въ новой рамѣ
Легко узнать былой портретъ.
Могучимъ геніемъ согрѣты,
Живутъ безсмертные портреты,
Живетъ дѣлецъ и ловкій плутъ,
Милѣйшій Чичиковъ, живутъ
Всѣ эти Плюшкины, Ноздревы
Живутъ, мелькнувъ то тамъ, то тутъ,—
И, слава Богу, всѣ здоровы...
Среди глупцовъ и простаковъ
По днесъ для Чичиковыхъ—поле,
А гдѣ случайно нѣтъ ихъ болѣ,
Всегда найдется Хлестаковъ!..
(Окончаніе слѣдуетъ.)